Ор 82
С87

Николай Струздюмов

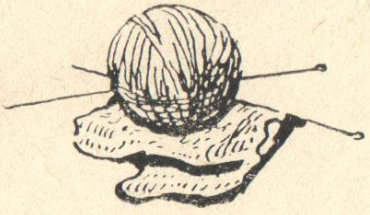
ДЕЛО В РУКАХ

ор82
С87

Николай Струздюмов

ДЕЛО В РУКАХ

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

958490

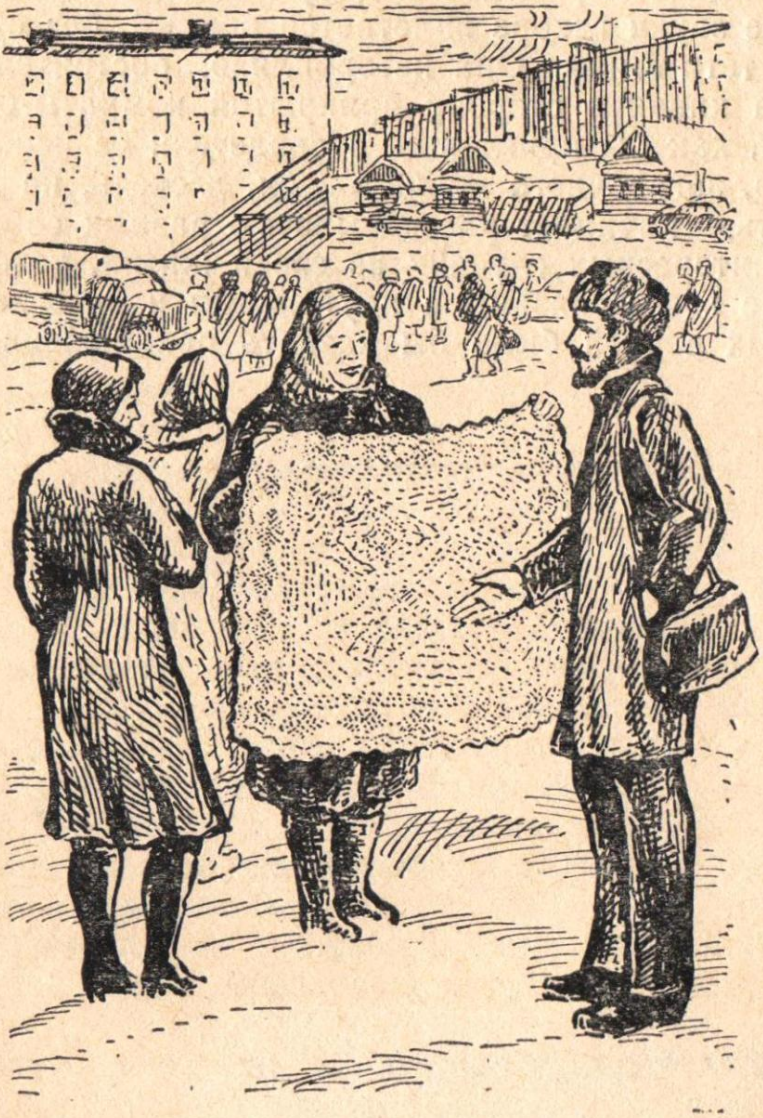
Челябинск

Южно-Уральское книжное издательство

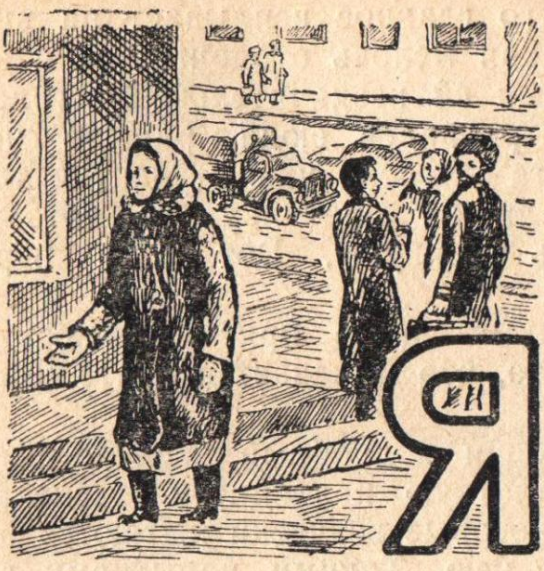
1982

Оренбургская областная библиотека им. Н. К. Крупской

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАУТИНКИ

Вслед за приезжим гастролером

Я сижу за столом, пододвинувшись поближе к окну. Передо мной разложены отчетные материалы, таблицы и графики. Они уже мне порядком надоели, да и дело идет к концу, и я внимательно начинаю слушать разговор, который ведется в другой половине избы. Там тетя Лиза рассказывает соседке о разных случаях из своей жизни, о базарных приключениях и о платках. Чем дальше, тем она больше воодушевляется, потому что собеседница слушает ее с большим интересом. Сама она платков не вяжет и потому, видать, даже завидует тете Лизе, однако, по-хорошему, как может завидовать ничем особенным не отмеченный, но доброй души человек искусному мастеру.

У тети Лизы я теперь квартирую не постоянно, как когда-то, когда моя контора находилась поблизости, а перебираюсь обычно по весне и остаюсь на лето. Во-первых, чтобы сбежать от того, что обычно бывает в центре летом: от раскаленного камня и асфальта, и от грохота самосвалов и треска мопедов. И еще меня тянет сюда потому, что здесь я обретаю состояние той покойной сосредоточенности, при которой упорядочивается все

повседневное, из него главное всплывает на видное место, а всяческая мелочь отодвигается и занимает полагающийся ей незначительный уголок.

В эту весну я перебрался сюда раньше чем обычно: Оля и Света — теперь уже студентки техникума — рано уехали на практику, за которой должны последовать каникулы. Вот я и перебрался.

Я сижу, все внимательнее прислушиваюсь к разговору и чувствую, что намечается нечто интересное.

Тетя Лиза, сделавши подробный экскурс в последнюю неделю, вплотную подходит к рассказам о тех покупателях, которые всячески пытаются завязать знакомство с нею. Такими попытками довольно-таки часто заканчиваются ее выходы на базар с паутинкой. Но у нее на этот счет — я хорошо знаю — собственное жесткое правило: своего адреса никому не давать и по чужим адресам не ходить.

Не давать — из-за вот какого соображения: а кто его знает, кем окажется тот желающий, а вдруг нечистым на руку, и кому он вздумает передать адрес, тоже неизвестно. Не ходить по чужим — поскольку это вроде как навязывать свою работу, вроде как упрашивать и унижаться.

И еще во всем этом сказывается осторожность человека, которого легко обмануть и которого не однажды обманывали. Подобного рода люди, приобретя в течение жизни богатый печальный опыт, к старости исключительно редко и с натугой идут на случайные знакомства, а в таких бойких местах, как базар, в особенности. Правда, говорят, есть святые души, которые доверяются всем подряд и во всем, сколько бы их ни обманывали. Говорят, что есть, но я в этом сильно сомневаюсь.

Однако, осторожность осторожностью, но бывают и исключения. Они делаются в отношении тех людей, которые особенно чем-то заинтересовали, расположили и внушили безоговорочное доверие.

Вот об одном из таких исключений и начинает она вскоре рассказывать во всех подробностях.

Я частично был свидетелем той истории, частично знаю ее по рассказам тети Лизы и теперь поведаю ее вам.

В общем, в тот раз тети Лизина паутинка повела свою хозяйку по необычным, по ее понятию, даже легкомысленным местам.

Началось все возле тех же трех кленов...

Но сначала он долго маячил где-то в отдалении, останавливался чуть ли не возле каждой паутинки, привлекая внимание всех торгующих своей аккуратной, даже чуть картинной бородкой и несколько необычной — с этаким небрежным изыском — одеждой, вообще, всем своим нездешним видом.

Когда он оказался поближе, тетя Лиза заприметила возле него старушку-советчицу. Та как раз обернулась и в свою очередь тоже увидела тетю Лизу. Потом что-то шепнула ему, он тоже обернулся, посмотрел в эту сторону, и они направились прямо сюда, к трем кленам. К тому времени он, кажется, уж порядком был взбудоражен блеском и сверканием паутинного царства и сильно раззадорился на хорошую покупку.

С первой же минуты он очаровал тетю Лизу. И прежде всего тем, что, бросив один только пробный, короткий взгляд на ее паутинку, не удержался и воскликнул:

— О-о, это вещь!

И заходил, затоптался вокруг тети Лизы. Снимал замшевые перчатки, то и дело дышал на паль-

цы, сопревая их, щупал платок, рассматривал против солнца и даже зачем-то к носу подносил.

— Вещь ведь, а? Явление природы? Что? А? — кричал он своей спутнице-советчице.

Та взглядывала на него с улыбкой и подтверждала:

— Хороша паутинка.

Они для порядку походили еще по базару, посмотрели другие, до сего не просмотренные платки, и вскоре вернулись к тете Лизе.

— За сколько вы его продаете, бабушка?

— Сто пятьдесят прошу. Давайте свою цену,— последовал традиционный ответ.

«Своя цена» по тому базару могла равняться рублям ста двадцати, не больше.

А он сразу:

— Беру за сто сорок. Согласны?

Тетя Лиза была ошарашена таким неожиданным поворотом в торговле и сразу даже не нашлась, как ответить. И только некоторое время спустя, освоившись, сказала:

— Дак ведь я че же. Я, конечно, согласная.

— Ну и отлично! — крикнул он.— Значит по рукам? — и в самом деле хлопнул по рукам тети Лизы.

Во всем этом было много наигрыша, который тетя Лиза приняла за чудаковатость.

— Сворачивайте, бабушка, больше не стойте,— решительно велел он.— Я ваш платок беру.

Тетя Лиза свернула платок. А у него тут будто что-то заело. Что-то не торопился он заполучить покупку, тянул и озадаченно почесывал под меховой шапкой. Потом эдак мягко взял тетю Лизу под руку, отвел в сторону и доверительно заговорил о том, что пришел на базар за дешевеньким платком, лишь бы какой местный сувенир взять.

Но вот увидел платок тети Лизы, очень им восхищен и никак не хочет его упустить.

Тетя Лиза слушала его признания и расцветала.

— Вот не хочу я упустить ваш платок — и хоть меня убейте! А денег не хватает! — крикнул он.

— Ну, уж я не знаю, как тут быть,— развела руками тетя Лиза.— А дом-то у тебя далеко?

— Да далековато, бабушка. За тысячу километров. А здесь я остановился в гостинице.

— Ну, я не знаю, как быть.

— А давайте-ка вот как...

Короче, дело кончилось все тем же: он стал просить у нее адрес и обещал через два дня прийти с деньгами и забрать платок.

Тетя Лиза дать свой адрес наотрез отказалась.

Ах, если бы Дарья здесь была! Она такой лакомый кусочек не упустила бы. Она не только бы адрес дала, а зазвала бы его к себе и не через каких-то два дня, а прямо сейчас. И привела бы, и чаем угостила, и еще чем покрепче. И предложила бы ему платок как раз по деньгам. И насладился бы он ее обществом и ее самобытностью. И ушел бы довольный, бережно унося свою восхитительную покупку.

А потом, значительно позднее, он понял бы, что ему всучили липу, которая не стоит и половины затраченных денег. Но к тому времени он уж забыл бы, как выглядит эта Дарья, где она живет. Да если и не забыл, то все равно дела исправить уж было бы невозможно.

Скорей всего он и попался бы в лапы как раз такой, как Дарья, если бы не опытная советчица, которая привела его к тете Лизе. Но, стало быть, с адресом случилась заминка. Тогда он предложил другой вариант. Он попросил прийти с платком к нему в гостиницу. В среду.

— Да где ты до среды деньги-то возьмешь? — подозрительно спросила тетя Лиза.

Он уверил, что позвонит домой, все обскажет, и деньги ему вышлют телеграфом.

Но и в гостиницу ехать тетя Лиза не решалась.

Однако он упрашивал очень настойчиво, к нему подключилась старушка-советчица, еще кое-кто из рядом стоящих ажурниц, и она после длительных уговоров, в конце концов, сдалась.

Он написал на листке, вырванном из блокнота, свою фамилию, имя, отчество, номер комнаты и даже номер телефона приложил. И, добившись от тети Лизы еще раз твердого обещания, что она непременно придет, довольный направился к выходу.

А тетя Лиза через некоторое время возле своего дома, а потом и на следующий день всем рассказывала, что ее платком очень заинтересовался какой-то приезжий. И как он восхищался, и как боялся упустить ее платок, и как напрашивался к ней в гости.

А потом ей вдруг пришло в голову, что вот так, по гостиницам, ходят и навязываются только спекулянтки. И она сразу заколебалась — идти или не идти. И, наконец, после долгих мучительных сомнений, аханий и вздохов твердо решила: не идти.

Но когда наступила среда, ее стала мучить совесть: ведь твердо обещала, человек будет ждать. И опять вспомнила, как он восхищался ее платком, как боялся упустить и как с ней хорошо, доверительно разговаривал.

После обеда она тщательно завернула паутинку и отправилась к необычному покупателю.

Как раз к назначенному времени она входила в вестибюль гостиницы.

Поначалу она очень растерялась в новой обстановке и долго стояла возле выхода, присматривалась. Потом двинулась к устланным ковром ступенькам, ведущим на верхние этажи. Здесь ее остановил швейцар.

— Вы к кому?

Тетя Лиза показала бумажку.

Швейцар посмотрел на бумажку, на тетю Лизу, потом подвел ее к окошечку администратора. Администратор внимательно прочитала бумажку, тоже посмотрела на тетю Лизу и потянулась к телефону.

— Мы попросим, чтобы он вас встретил,— сказала она, набирая номер. И добавила с улыбкой: — А то вы еще, чего доброго, там заблудитесь.

Номер не ответил, и последовал звонок дежурной по этажу.

— Он куда-то ушел,— ответила администратор, вешая трубку.

— Как же так?— озадачилась тетя Лиза.— К этому времю должен ждать.

Она в нерешительности остановилась у окошечка и с изумлением продолжала в него смотреть, словно бы вопрошая: «Да объясните, как так может быть: назначил на это время, а сам ушел!».

— А кто такой?— спросила у администратора обеспокоенная растерянностью тети Лизы другая служащая гостиницы, располагавшаяся там же, за перегородкой.

— Да тот товарищ, что на той неделе на гастроли приехал.

Тетя Лиза услышала и переспросила:

— Как приехал?

— На гастроли приехал,— подтвердил швейцар.

— Ну да, ну да,— тетя Лиза покивала.— А зачем приехал-то?

— На гастроли, бабушка,— ответила администратор.— Стихи читать.

И показала на афишу, висевшую у выхода.

— На гастроли стихи читать,— как эхо повторил швейцар и показал туда же.

— Ну да, понятно,— опять покивала тетя Лиза, хотя ровным счетом ничего не поняла.— А когда будет-то?

— Кто его знает,— ответил швейцар.— Скорей всего в ресторане ужинает.

В это время на верхних ступеньках ковровой лестницы показались ноги в джинсах, потом яркая сумочка и, наконец, целиком появилась обладательница этих джинсов и сумочки.

— Девушка, помогите нам тут в одном деле,— обратился к ней швейцар.

Та приостановилась с неохотой.

— Вот этой бабушке,— он показал на тетю Лизу,— надо помочь вон того человека в ресторане найти,— и он кивнул на афишу, четверть которой занимал портрет тети Лизиного клиента.

Девушка посмотрела на тетю Лизу — смягчилась, посмотрела на афишу — заинтересовалась.

— Ну, что ж, пойдем, бабушка, попробуем.

Вход в ресторан находился рядом со входом в гостиницу. На улице, у самых дверей, покуривая, стояли с праздным видом мужчины.

— Кого ищете, девушки? — спросил один.

— Да вот одного молодого человека. Говорят, здесь должен быть,— начала объяснять тетя Лиза.

— Бабуля, возьми меня. Я не молодой, зато надежный,— сострил второй.

— Нам еще надежней надо,— сухо ответила тети Лизина спутница дядьке, а тете Лизе сказала:— Не обращайте внимания. Тут много всяких, каждому не наотвечаешься.

Они вошли, остановились у самого выхода и сразу поняли, что человека здесь найти нелегко. Зал был огромный, так что головы сидевших в дальнем конце даже и не видны были по-настоящему, а только чуть маячили в виде силуэтов. Многие вообще заслонялись колоннами. Слышался ровный, слитный шум голосов. Над столами вился сигаретный дым. В проходах сновали ухоженные официантки с белыми кокошниками и в белых передниках.

— Вот видишь, как люди живут,— вздохнула тетя Лиза, и в этом вздохе послышалась легкая зависть к сидящим здесь, и какое-то сожаление, и даже некоторое недовольство собой.

Провожатая тети Лизы посмотрела на нее внимательно, чуть улыбнулась и вдруг предложила:

— Давайте, бабушка, поужинаем вместе.

— Да что ты! Нет-нет,— замахала руками тетя Лиза.

— А чего нет? Посидим, осмотримся, может быть, и увидим вашего знакомого. А так его все равно не найдешь.

Она еще долго упрашивала, но тетя Лиза так и не поддалась ни на какие уговоры.

— Ты иди сама да ужинай,— испуганно отвечала она.

— Да неудобно одной. Начнут тут липнуть всякие.

— Нет, дочка, как хочешь, а я тебе не напарница,— вздохнула напоследок тетя Лиза и стала прощаться.

Она повернулась, чтобы уйти, и тут встретилась глазами с его взглядом. Он и сидел-то неподалеку, только в самом углу.

Нагнал он ее уже за дверью.

Потом долго и путано объяснял что-то насчет

сроков, каких-то затруднений, какой-то поездки жены или матери. И то и дело извинялся.

Тетя Лиза в его объяснениях не разобралась да и не пыталась разобраться, а только поняла, что ее платок не нужен.

И больше уже не слушала, а только все сильней расстраивалась и диву давалась: зачем же ему надо было так упрашивать ее и назначать точное время, и ради чего только она голову себе ломала и нервы трепала, и зачем пустилась его разыскивать.

Он же все говорил и говорил. И почему-то выглядел теперь вовсе не таким молодцом, как там, возле кленов. Вроде бы развинтился, разболтался, что ли, за эти три дня и не внушал былого уважения. В глаза старался не смотреть, а все в сторону, либо поверх ее головы. То и дело суетливо переступал. Потом заговорил что-то о городе, о магазинах, вообще о вещах, не относящихся к делу, некстати пошучивал, и у тети Лизы тут явилась мысль, что он совсем никуда и не звонил, никаких денег не просил, а на следующий же день после базара забыл о ее платке. И тетя Лиза сразу почувствовала, что она здесь — лишний, ненужный человек, и паутинка ее — приблудная несуразность.

А он вдруг начал уверять, что приедет сюда через месяц и тогда непременно купит у нее платок, и опять стал просить адрес.

— Да не дам я тебе адреса!— с обидой воскликнула она и на глазах ее навернулись слезы.— Зачем он тебе?

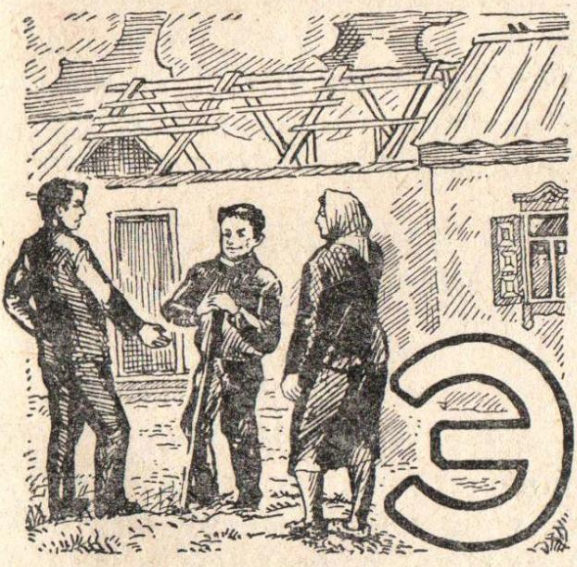
И, не дожидаясь ответа, ни слова не сказавши больше, пошла от него прочь.

Возвращаясь домой, она вытирала слезы концом платка и думала с осуждением уж не только о том, который ее обманул, а вообще обо всех, кто

там, в ресторане, сидит, пьет и развлекается. И о том, какое пошло время неустойчивое, и люди ненадежные, и никому довериться нельзя. И что никакого уважения и почтения к старикам теперь нет. И ей уж стали приходить в голову мысли о ее собственной никчемности, одинокости и ненужности. И о том, что лет-то немало, что сильно она зажилась на этом свете и пора готовиться и к смерти.

...С того дня много прошло. Но до сих пор, рассказывая о разных случаях из своей жизни, об этом она вспоминает особенно пристрастно и с наибольшими подробностями. И теперь она заканчивала свой рассказ о похождениях вслед за приезжим гастролером, вынесши в заключение преувеличенно уничтожающее:

— Ну, жу-у-лик! — и даже глаза щурила, осуждающе качала головой.— Ну и мот. Прям не мужик, а вертлява девка...

Баш на баш

та история началась с сенной крыши, а уж потом, в продолжении, вплелась и, наконец, заняла подобающее ей место паутинка...

Вообще, сенная крыша давно стала тяжкой заботой тети Лизы. Особенно же начала досаждать,

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЛО В РУКАХ. *Повесть* 3

Платошницы 4

Дело в руках надежней богатства 5
Большой базар 28
Гости 48

Приключения паутинки 88

Вслед за приезжим гастролером 89
Баш на баш 99
Хлопотный сувенир 115

РАССКАЗЫ 134

Володя — возчик общепита 135
Бытовка 151
Бегство в родительский дом 183
Давняя история 197

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66